

Цзи Саньмэй сохранял полное спокойствие. Сняв золотую нефритовую курительную трубку с одеревеневших пальцев Вэй Юаня, он ловко чиркнул огнём, раскурил табак и выпустил изо рта ровную струйку дыма. Та закружилась вокруг Вэй Юаня, что было крайне раздражающе.

Цзи Саньмэй отмахнулся от дыма и с улыбкой произнёс:

— Ой, а ты дымишься.

Судя по выражению лица, Вэй Юань отчаянно хотел прибить Цзи Саньмэя, но, увы, благие намерения не всегда подкреплены возможностями.

В харчевне в тот момент было немало посетителей, и шум, поднятый Цзи Саньмэем, уже привлёк всеобщее внимание. Люди оборачивались, но Цзи Саньмэй ничуть не смущался. В его правом глазу проступили густые, замысловатые узоры заклинаний, после чего он засунул руку за пазуху, вытащил оттуда пригоршню белых бумажек и с шорохом высыпал их в распахнутое окно.

— Дарю! — сказал он.

Не успел он договорить, как бумажки превратились в серебряные банкноты. Подхваченные ветром, они понеслись во все стороны, и на каждой был номинал не меньше ста лянов. Прохожие и посетители харчевни словно обезумели, бросившись их ловить.

— Всё равно чары продержатся лишь сутки, пусть собирают, — подумал он.

После этой выходки харчевня моментально опустела больше чем наполовину.

Цзи Лючэнь застыл на месте, уставившись на того, кто с трубкой в руке выглядел столь изящно и беззаботно.

... Старший брат?

Он оглянулся на Чанъаня — точную копию Цзи Саньмэя, но с совершенно иной аурой, — затем на ребёнка, стоявшего рядом с Вэй Юанем. Горло у него сжалось.

Сравнив, он наконец сделал верный вывод.

Цзи Саньмэй взял трубку в зубы, обернулся и увидел, как к нему с покрасневшими глазами идёт Цзи Лючэнь.

Вся его ослепительность куда-то испарилась, растворившись в наворачнувшихся слезах.

Цзи Лючэнь, словно во сне, тихо позвал:

— ... Старший брат?

— Он никогда не верил, что старший брат умер.

В ту ночь брат чётко сказал, что идёт в дом Сунь на банкет по какому-то делу, ненадолго, скоро вернётся и заодно принесёт Цзи Лючэню его любимый гороховый пирог.

Когда брат уходил, Цзи Лючэнь сидел у карпового пруда, крошил хлеб и кормил рыбок. Он что-то ответил, а потом так и просидел у пруда всю ночь напролёт.

Первая половина ночи ушла на ожидание пирога, вторая — на ожидание брата.

После ночи ожидания он услышал нелепую весть.

Весть о смерти брата принёс Сунь Фэй из семьи Сунь. Его слова были полны сострадания и скорби, но Цзи Лючэнь не понимал из них ни единого.

Тот говорил, что брат пал, став славой Чжуиня, героем Чжуиня.

Цзи Лючэнь утратил целостную память о тех давних событиях и мог лишь догадываться, что состояние его тогда было ужасным, раз Сунь Фэй вынужден был приказать сковать его цепью бессмертных уз.

Цзи Лючэнь отчаянно пытался вырваться из оков.

В тот момент у него в голове была лишь одна мысль — вытащить из гроба того самозванца, что выдаёт себя за его брата.

Он метался, как бешеная собака, кусая и рвя, пока рот не наполнился кровью. Обратный поток едва не захлестнул его.

Он плакал, как ребёнок, захлёбываясь собственной кровью.

Он кричал: «Брат, не уходи, мне страшно!»

Он кричал: «Я виноват, прости! Брат, вернись, пожалуйста! Я больше никогда не буду драться!»

Он кричал: «Умоляю, брат, не оставляй меня одного!»

Старшего брата предали древесному погребению, он стал героем Чжуиня, и повсюду воспевали подвиги Цзи Саньмэя. Цзи Лючэнь, как его единственный младший брат, должен был унаследовать посмертную славу.

Но Цзи Лючэнь упрямо считал, что брат не умер. Он был уверен: брат отправился выполнять какое-то важное дело, просто пока не может ему рассказать.

Он ждал у карпового пруда целых восемь лет, пока наконец не получил письмо из Юньяна.

... Неужели этот человек и вправду брат?

Цзи Лючэнь вырвался из мучительных воспоминаний и снова неуверенно позвал:

— ... Старший брат?

Цзи Саньмэй овладел своим выражением лица, и его улыбка вдруг стала сладкой-пресладкой, а голос прозвенел:

— Папочка!

В этот миг лицо Цзи Лючэня стало поистине произведением искусства.

... Я хотел, чтобы ты был моим старшим братом, а ты называешь меня отцом.

Вэй Юань тоже выглядел так, будто в него грянул гром. Он не верил своим глазам: спустя столько лет наглость Цзи Саньмэя достигла новых высот.

Но он не успел даже язвительно крикнуть, как увидел, как всегда холодный и отстранённый, словно изваяние, Цзи Лючэнь рухнул на колени.

Цзи Саньмэй вздохнул.

... Что бы ни случилось тогда в Чжуине, когда он принял решение бросить Лючэня, он и вправду был последним сволочным братом.

Он протянул свои ещё детские ручонки и обнял Цзи Лючэня за шею.

От этого объятия Цзи Лючэнь наконец не выдержал. Его каменная маска рассыпалась в прах, и он громко, навзрыд зарыдал.

Он рыдал так сильно, что почти задохнулся, слёзы текли ручьями, но он инстинктивно подыгрывал братской лжи:

— Ничего, ничего... Главное, что вернулся. Папа здесь. Теперь никто тебя не тронет...

... Слова звучали прекрасно, словно сейчас рыдающий, как последний сирота, — это вовсе не он сам.

Час спустя.

В глазах окружающих эти двое «отец с сыном» воссоединились, и им, конечно, было о чём поговорить. Все разошлись, оставив братьев наедине в снятой на скорую руку комнате, наслаждаться семейным уютом.

Цзи Саньмэй сидел на краю резной кровати, закинув ногу на ногу. Цзи Лючэнь с покрасневшими, как у кролика, глазами устроился на табурете у её изножья и не отрываясь смотрел на брата. Взгляд его был щенячьим, а за спиной словно вилял невидимый хвост.

Цзи Саньмэй языком свернул дым во рту в аккуратное колечко и медленно выпустил:

— Отравили?

— В те годы последователи демонического пути из Юньяна бушевали на границах. Чжуинь назначил Шэнь Фаши генерал-губернатором для их усмирения. Старший брат всё это время метался по городу, рассылал воззвания, обличал Юньян... — Цзи Лючэнь не сводил с брата глаз, говоря с благоговейной серьёзностью, — Последователи демонического пути разозлились на твои действия и подсыпали яду на банкете.

Он уткнулся лицом в ещё тонкие, детские колени Цзи Саньмэя и с обидно-глуповатым видом пробормотал:

— Не верю. Не верю, что старшего брата могла сгубить одна чаша вина.

— Я тоже так думаю.

Цзи Саньмэй потрепал его по макушке. Большой пёс, словно получив разрешение хозяина, обхватил брата за талию и тихо позвал:

— Старший брат.

Цзи Саньмэй давно забыл всё, что было после восемнадцати лет. Истина о его смерти, которую надеялся узнать Цзи Лючэнь, растворилась, словно лёгкий дымок, в ответе «не помню».

Зато сам Цзи Саньмэй от Лючэня многое узнал.

Девять лет назад на границе Юньяна и Чжуиня внезапно вспыхнула война. Город Линтин, связующее звено между двумя землями, погрузился в кромешный ад и после долгой борьбы неизбежно обратился в пепелище.

Цзи Саньмэй спросил:

— Значит, в те дни брат Шэнь был не в числе первых заклинателей, отправленных защищать Линтин?

Цзи Лючэнь:

— В третьей очереди. Первые два отряда полегли почти полностью, вот тогда и бросили Шэнь Фаши.

Пара простых фраз уже позволила Цзи Саньмэю увидеть ту кровавую, кошмарную картину.

Цзи Саньмэй:

— После того как брат Шэнь ушёл, в городе Юньяне, поди, было спокойно?

За последнюю сотню лет заклинателям стало невероятно трудно достичь бессмертия, и они застряли в мире смертных, обрастая мирской суетой. Хотя Чжуинь и был сосредоточением практикующих родов, он тоже не избежал этой участи.

Если бы не потери среди лучших, если бы не гибель умельцев, разве дошла бы очередь до Шэнь Фаши, юноши лет двадцати с небольшим, чтобы вести армию на границу?

А возвышение молодого аристократа неизбежно влечёт за собой возвышение всего его рода. Взять хоть Вэй Юаня: если бы он тогда не отрубил голову старцу Хуан Хуану из Лунгана, он бы до сих пор оставался сыном пропадающего игрока, таскающим за матерью ушат с нечистотами и прозябая вместе с ней в гниющем доме, покрываясь плесенью и тёмным грибком.

Род Шэнь и так был старым и влиятельным. Если бы Шэнь Фаши ещё и отличился, это непременно подрезало бы крылья другим семьям.

Шэнь Фаши был за тысячу ли, обременённый важной военной должностью. Сколько людей надеялись на его победу, столько же жаждали его гибели в огне войны.

В городе Чжуине грязные слухи о Шэнь Фаши расползались, как пиявки.

Добрая слава за порог не выходит, а худая за семь вёрст летит. Стоит человеку прославиться, совершить подвиг, как тут же находятся твари из тёмных углов, которые начинают судачить: а как он этого добился? Наверняка нечистыми путями, иначе отчего ж ему одному везёт? Отчего добрая слава падает именно на его голову?